

Reality, myth, stereotype: towards the question of perception of post-revolutionary Russian emigration in Soviet Russia

A. V. Uriadova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-550-559

Research article
Full text in Russian

The purpose of this work is to study the perception of emigration in Soviet Russia/USSR. This topic «the perception of emigration» is practically unexplored yet. It is actual not only from a scientific point of view, but also because of the modern increasing migration flows from Russia (including ideological reasons of emigration). The history of the post-revolutionary Russian emigration has been rewritten many times in Soviet/Russian historiography. Then these concepts were widely broadcast for their introduction into mass production. Therefore the main sources for this article were scientific, journalistic works, the media. The author came to the conclusion that despite the minor changes in the perception of the post-revolutionary emigration (in the RSFSR/USSR in the period studied), it was due to the struggle of ideologies.

Keywords: Russian emigration; perception; myth; stereotype; Soviet ideology; propaganda

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Uriadova, Anna V. | E-mail: uryadovaanna@gmail.com
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-018).

Реальность, миф, стереотип: к вопросу о восприятии русской пореволюционной эмиграции в Советской России/СССР

А. В. Урядова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-550-559
УДК 930.2+325.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Тема перцепции эмиграции является практически не изученной. Она актуальна не только с научной точки зрения, но и в связи с современным увеличением миграционных потоков из России, в том числе по идеологическим причинам. История русской пореволюционной эмиграции «перелицовывалась» и переписывалась множество раз. В рассматриваемый период происходили незначительные изменения в восприятии пореволюционной эмиграции в РСФСР/СССР. Они были обусловлены прежде всего борьбой идеологий.

Ключевые слова: русская эмиграция; восприятие; миф; стереотип; идеология; пропаганда

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Урядова, Анна Владимировна

E-mail: uryadovaanna@gmail.com

Доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры новейшей отечественной истории

Финансирование: ЯрГУ (проект № VIP-018).

Целью статьи является изучение восприятия русской пореволюционной эмиграции в Советской России/СССР, в отечественной историографии практически не рассматриваемого. Исключением являются работы, посвященные историографии истории эмиграции, которые помимо классификации и периодизации исторических исследований, отражают типичное и атипичное для своего времени восприятие и дальнейшую репрезентацию авторами жизнедеятельности эмиграции.

Отчасти эта тема затрагивается в работах по советской пропаганде и контрпропаганде. Отсутствие исследовательских работ по данной про-

блеме объясняется сложностями источниковой базы. Про эмиграцию либо не говорили и не писали (в советских газетах упоминание русских за рубежом встречается крайне редко), либо делали это в рамках, заданных партийно-государственной идеологией. Основными источниками для данной статьи явились научные, публицистические работы изучаемого периода, реже – СМИ.

При написании данной работы использовались разнообразные научные методы и подходы. Сравнительный анализ был необходим для критического сопоставления различных точек зрения, взглядов на эмиграцию. Сложность применения этого метода в рамках избранной темы обуславливается полемичностью, конфронтационной разорванностью исходного материала, а порой его перегруженностью политизированным субъективизмом и идеологизмом.

Изучаемая тема рассматривалась под углами диахронной и синхронной истории, в связи с чем были применены соответственно для рассмотрения синхронного прошлого – структурно-функциональный подход (структурализм) и реконструкция (реконструктивизм); для диахронного – генетический подход (генетизм, социологический и психологический)¹. Историко-генетический метод позволил не только выявить сущностные черты изучаемого восприятия, но и показать динамику его изменения. Системный подход объединил различные методы. Во-первых, он дал возможность обратиться к эмиграции как целостному социокультурному феномену, представляющему в то же время совокупность ряда элементов, которые можно сопоставлять. Во-вторых, позволил дать оценку целостной взаимосвязанной системе «эмиграция – Советская Россия / СССР», а не одного компонента (истории России или истории эмиграции).

Жизнедеятельность эмиграции рассматривается в контексте российской истории и одновременно как часть мировой истории. Одним из важнейших подходов для нас явилась историческая психология – «подход, помещающий психику и личность в связь времен» [1, с. 15]. В рамках данной работы это относится к особому психологическому и психо-эмоциональному настрою советских авторов, аудитории, который возникал в связи с определенными историческими событиями, изменениями государственной политики и идеологии.

Актуальность темы определяется не только ее научной новизной, но и увеличением современных миграционных потоков из России, в том числе по идеологическим причинам.

Что оказывает влияние на восприятие? Собственно, то, что мы видим и оцениваем здесь и сейчас, сам факт, явление, институция. Однако даже в восприятии ситуации «в моменте» мы оцениваем ее не только исходя из личных предпочтений и жизненного опыта. Несомненно влияние окружения, государства и средств массовой информации. Со временем

¹ Эти методы могут быть объединены в единый – структурно-генетический метод

к процессам оценивания и трактовок подключаются аналитики разных направлений: политологи, социологи, историки и другие. В зависимости от политического режима государства, в котором они живут, специалисты либо четко следуют избранной концепции и идеологии, либо высказывают независимую точку зрения. В первом случае это мнение будет активно тиражироваться государством и его структурами и, следовательно, оказывать еще большее влияние на аудиторию, граждан страны.

Период НЭПа был относительно либеральным в отношении эмиграции. В стране еще не было партийной монополии, работали частные типографии, публиковавшие литературу с альтернативными взглядами (философов, богословов, экономистов, историков русского зарубежья), мемуары дореволюционных политических и военных деятелей, воспоминания «возвращенцев», в том числе о жизни в эмиграции. Они вызывали критику со стороны советских и партийных работников. Тем не менее само наличие таких альтернативных публикаций способствовало сдерживанию формирования стереотипов и однобокого восприятия эмиграции.

«Допущения» периода НЭПа приводили к компромиссам. Это прослеживается даже в выступлениях и статьях лидеров партии. В частности, В. И. Ленин в ряде своих речей и статей 1919–1922 гг. («Доклад на III съезде Коминтерна», «О международном внутреннем положении Советской Республики», «О продовольственном налоге», «Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих») приводил данные о численности и социальном составе эмиграции, характеризовал отдельные персоналии. Читая эмигрантские издания, он видел ее внутреннюю противоречивость, понимал, что в ней есть очень разные течения (от монархистов до социалистов).

Нарком просвещения А. В. Луначарский в предисловии к каталогу выставки, проходившей в Москве, характеризовал русских художников зарубежья, участвовавших в ней как «достигших огромного мастерства», «развивавшегося на французской почве» [2]. В более поздней советской историографии оценки деятельности художников-эмигрантов будут совершенно иные: отсутствие развития, прозябание, застой в творчестве и т. д.

Компромиссы касались не только отношения к эмиграции в целом, но и к отдельным персоналиям, например к одному из лидеров движения «Смена вех» Н. В. Устрялову. Он выдвигал идею перерождения партии, но с опорой на кулачество, часть интеллигенции и новую буржуазию. В 1925 г. в СССР еще не было явного лидера, в партии шла борьба и за власть, относительно дальнейших путей развития страны. Не было единого мнения относительно того, нужны ли сменовеховцы, как их использовать. Оценка причин и последствий взглядов Н. В. Устрялова стала одним из эпизодов, способствовавших обострению внутрипартийной борьбы в ВКП(б). Г. Е. Зиновьев писал об Устрялове, что он «тем более опасный классовый враг, что <...> на словах „приемлет“ Ленина» [3, с. 7]. И. В. Сталин характеризовал его так: «Он служит у нас на транспорте. Говорят, что он хорошо служит.

Я думаю, что, ежели он хорошо служит, то пусть мечтает о перерождении партии. Мечтать у нас не запрещено. Но пусть он знает, что, мечтая о перерождении, он должен вместе с тем носить воду на нашу большевистскую мельницу. Иначе ему плохо будет» [4, с. 50–51].

На протяжении 1925–1927 гг. Г. Е. Зиновьев неоднократно эксплуатировал образ Н. В. Устрялова как «классового врага», используя его в борьбе против сталинско-бухаринского блока. Образ эмиграции использовался не только для его трансляции массам, но и во внутривнутрипартийной борьбе. Как указывает В. А. Митрохин, на страницах советской печати «выявлялась» и демонстрировалась неразрывная связь платформ оппозиционных лидеров с идеологией небольшевистских партий и движений [5, с. 1237].

В последние десятилетия историки акцентируют внимание на осмыслении роли, взаимодействии и соотношении индивидуального и коллективного, единичного и массового, уникального и общего. Вышеприведенный эпизод с Устряловым интересен и тем, что он один из немногих, обращающих внимание не на эмиграцию в целом, а на отдельного ее представителя. Так было в середине 1920х гг.; с конца 1920-х гг. в отношении к эмиграции в СССР уже не было места индивидуальному, единичному, уникальному. Более того, даже и в отношении отдельных групп эмиграции использовалась гиперболизация, упрощение, обобщение – эмиграцию «стригли под одну гребенку». Оценка правого лагеря русского зарубежья, в которой делался акцент исключительно на антисоветской деятельности, переносилась на всю эмиграцию в целом. Например, «все эмигранты – монархисты, враги, шпионы, диверсанты, богачи». Таков был «стереотип» восприятия эмиграции.

Пока допускалась альтернативная информация об эмиграции, определенное значение в ее подаче имел и сам информационный повод. Например, в связи с масштабами голода 1921 г. и необходимостью получения продовольствия от Запада, частично сведения о гуманитарной помощи эмиграции доходили до советских граждан. Иначе освещались факты, связанные с политикой, как внутренней, так и внешней. Например, Кронштадтское восстание, в котором факт помощи эмиграции восставшим, не вызывал сомнений у советской аудитории, хотя являлся самым типичным из мифов. В действительности, восстание вызвало массу споров в русском зарубежье и уже постфактум многие эмигранты были разочарованы тем, что так и не успели сплотиться, не оказали реальной (военной) помощи и тем самым обрекли восстание на поражение.

Однако даже в первой половине 1920-х гг. для советского отражения в прессе и литературе образа эмиграции были характерны идеологическая заданность, схематизм, поверхностность в анализе событий, трактовавшихся, уже тогда, как правило, с классовых позиций. Свертывание НЭПа, а точнее, постепенная монополизация власти одной партией привели к тому, что эмиграция (как общность) стала восприниматься как идеологи-

ческий противник (носитель буржуазной идеологии) через призму политического и классового противостояния, что нашло отражение в партийно-государственных документах.

Неизбежным следствием такого похода, как указывает В. А. Митрохин, являлись политизированность, субъективизм, обостренная полемичность в оценках русского зарубежья [5, с.1236]. Во второй половине 1930-х гг. восприятие эмиграции в СССР стало еще более упрощенным.

Тональность и направление задавалось высшим партийным руководством страны. Однако к концу 1920-х гг. стереотипы восприятия эмиграции постепенно проникают в сознание масс. Происходит смещение акцентов. Жизнь самой эмиграции (проблемы адаптации, возникновение общественных и культурных институтов, сохранение и развитие русской культуры за рубежом и т. д.) как будто вовсе не существовала для советских граждан. В то время как факты, прямо или косвенно свидетельствовавшие об антисоветской деятельности, активно тиражировались, использовались в историческом и идеологическом дискурсе в качестве аргументов для доказательства враждебности эмиграции. Они повторялись разными авторами, служили не подтверждению исторической истины, а соответствием (в той или иной форме) идеологической схеме. Стереотипы и мифы преобладали над фактами. Эмиграция описывалась не как социальная группа в контексте социологии или истории, а как политический противник; активно использовались пропагандистские приемы. Отформатированные, фальсифицированные факты служили укреплению стереотипов, приводя к инерции восприятия эмиграции советской аудиторией. Сказывалась монополизация СМИ и отсутствие альтернативной информации.

Роль стереотипов в кризисные эпохи возрастает. Ее нельзя оценивать только негативно; стереотипы выполняли важные функции, в частности способствовали селекции и структурированию информации, поступающей извне [6, с. 16]. Годы становления советского государства показательны, поскольку смена государственной системы в России открыла новую историческую эпоху. Формировалась и новая наука. И если в начале 1920-х гг. мифы и стереотипы только складывались, к концу десятилетия их место заняли идеологемы, «возвышающие собственные идеологические и политические ценности и культивировавшие чувство враждебности к «чужим» идеологическим и политическим ценностям» [7, с. 40]. К «чужим» относилась и эмиграция.

Как считают исследователи, важнейшей чертой мифологизированного сознания является его авторитарный характер, исключая сомнения и самостоятельный поиск истины, стремление опереться на веру и эмоции, но не на знание [8, с. 4]. Внешний мир (каковым для советских граждан была в том числе и эмиграция) для мифологизированного сознания предстает как арена борьбы светлых и темных сил, причем все его многообразие воспринимается в черно-белом цвете. Утилитарные потребности выживания

новой власти привели к тому, что агитационно-пропагандистские задачи и, соответственно, методы преобладали над научно-познавательными. Картина мира предельно упрощалась и наполнялась враждующими началами; эмиграция позиционировалась как один из главных врагов Советского государства.

Социопсихолог В. М. Бехтерев писал, что в результате государственного вмешательства в обществе возникает «патриотическое возбуждение», которое является средством духовного подчинения граждан властным структурам для мобилизации на решение экономических и политических задач и способствует изоляции масс от идей противника [9]. И хотя Бехтерев говорил это о Первой мировой войне, мы можем использовать данное наблюдение и применительно к эмиграции. Только в этой ситуации советский патриотизм касается скорее не России как страны и Родины, а политического строя и идеологии. В силу партийно-государственной установки, направленной на создание стереотипа эмиграции как одного из главных врагов Советского государства, большинство фактов, которые упоминают авторы, описывают эмиграцию именно в таком ключе, тем самым еще более поддерживая и укрепляя стереотипы.

Вариантов «работы» с фактами было несколько: фильтрация (выборочное освещение фактов, замалчивание), «форматирование» (изменение значимости, акцентов, коннотации), «перелицовывание» (подмена факта его «ярлыком» с противоположным значением), «фальсификация» (сознательное искажение). Хотя в 1920-е гг. публиковалась и объективная информация о том, что происходило в эмиграции, и не только об ее антисоветской деятельности.

Возможно, на формирование образа эмиграции как одного из главных врагов советского государства повлияла не только идеологическая «несовместимость» (были же эмигранты, которые положительно оценивали советские преобразования, то есть идеологически не были противниками). Важно учитывать ряд факторов.

Первый – это время. Русское зарубежье родилось на стыке двух исторических эпох. Русские люди, оказавшиеся за рубежом, выросли, были воспитаны, жили и работали при монархическом строе и за границей старались сохранить традиции, устои и уклад дореволюционной эпохи. Жизнь в СССР изменилась, изменился не только ее вектор, но и темпы. Советским людям и государству было не по пути с эмиграцией; даже если бы она не была антисоветской, она бы расценивалась как анахронизм, пережиток ушедшей эпохи.

Второй фактор – география. Эмигранты жили в других, враждебных СССР, странах, что уже само по себе накладывало на них отпечаток «врага».

Третий фактор, который отчасти являлся следствием первого и второго, – состояние раскола. Сложности коммуникации и отсутствие результативного диалога между Россией советской и Россией зарубежной объясняют

ся не только политическими противоречиями. Эти проблемы вписываются в исторический подход А. С. Ахиезера, который считал раскол одной из центральных категорий для понимания социокультурных процессов, происходящих в России [10, с. 10]. Да и сама история взаимоотношения русского зарубежья и Советской России – это история социального конфликта.

Как уже было отмечено ранее, в формировании образа эмиграции в СССР большую роль играло правительство и государство. Безусловно, представление об эмиграции как враге не было исключительно выдумкой и пропагандой; у советских авторов были аргументы и соответствующие данные.

Эмиграция находилась под пристальным вниманием и разведки, и органов пропаганды и контрпропаганды. Так, исследователь Н. М. Михалев отмечал, что при разработке основ пропаганды советская власть выделила группу особо опасных с точки зрения производимого пропагандистского эффекта эмигрантских изданий и публицистов эмигрантской политической печати, организовала систему изучения политической прессы русского зарубежья [11, с. 9–10]. То есть соответствующие «компетентные» органы владели определенной информацией, которую использовали затем для создания стереотипизированного образа эмиграции.

Для формирования стереотипа нужно время, но интенсивность процессов начала XX в., подкрепленная механизмом идеологической пропаганды, ускорила его формирование и укрепление в сознании.

Эмиграция рассматривалась как один из главных противников СССР. Аргументом было противостояние красных и белых (будущих эмигрантов) в ходе Гражданской войны, антисоветские действия эмиграции, направленные на свержение советской власти или ее дискредитацию. Сила и мощь противника оценивались по разному: в 1920-х гг. это был один из главных и наиболее реальных врагов; в 1930-1940-х гг. – пособник и помощник тех стран, с которыми воевал СССР (Финляндии, Германии). И если внешнеполитические образы «врага» были подвержены изменениям в зависимости от того, с кем сотрудничал СССР, то стереотип эмиграции как врага оказался более стойким именно потому, что базировался не на политике, а на идеологии.

Существует 3 пути формирования стереотипов: 1) общение людей друг с другом; 2) влияние элит; 3) пропаганда. Применительно к эмиграции мы исключаем первый способ, поскольку, даже зная тех людей, которые уехали за границу, как честных, порядочных и т.д., их родные и близкие, оставшиеся на Родине, не могли влиять на формирование общественного мнения и создание образа эмиграции. Другое дело элита (в данном случае советские деятели и партноменклатура) и СМИ. Оба пути были взаимосвязаны и целенаправленно порождали некий образ эмиграции, который затем внедрялся в массовое сознание и становился стереотипом. Приводились примеры, которые подавались как характерные, хотя на деле могли быть ис-

ключением из правила. Некоторые факты выдумывались; другие, наоборот, замалчивались, если они шли в разрез с желательной партией концепцией восприятия; третьи – искажались или подтасовывались. Примером такой подачи информации является голод 1921 г. и помощь эмиграции голодавшим, о наличии которой не сообщалось; напротив, писали, что эмигранты хотят использовать голод для борьбы с Советской Россией. Нельзя сказать, что представляемые концепции совсем не имели под собой никакой доказательной базы и реальной фактологии. Были в эмиграции мысли, что голод ослабит власть, а затем приведет к ее свержению голодающими. Были даже те, кто предлагал использовать зерновые вагоны для переправки в Россию военных с целью переворота. Но таких было буквально единицы. Намеренное акцентирование внимания именно на антисоветских действиях стало следствием партийно-государственной установки, направленной на соответствующее восприятие гражданами страны эмиграции и укрепления отношения к ней как к врагу.

Эмиграция, как и большинство социальных фактов, – явление многомерное. В СССР мир представлялся исключительно бихромным, а точнее, красно-белым, если говорить об эмиграции. Для создания стереотипа, особенно если он базируется на идеологии, разноплановость не нужна, так как стереотип – предельно упрощенное устойчивое мнение о чем-либо. Для него характерны размытость, высокая степень обобщения: весь не социалистический мир вокруг СССР – враги, особенно если они как-то проявили себя в борьбе с Советами, а следовательно, в эту категорию попадает и эмиграция.

В период 1930–1950-х гг. тема эмиграции становится полузапретной, что отражало общественно-политические процессы, происходившие в стране и мире. Те немногочисленные публикации, которые появлялись в то время, увязывали русское зарубежье с фашизмом. Об участии эмиграции в красных бригадах в годы гражданской войны в Испании или во французском Сопротивлении в годы Второй мировой войны в СССР не писали. Следовательно, советские граждане об этом не знали.

Ослабление идеологического пресса со второй половины 1950-х гг., определенная либерализация общественной жизни, сотрудничество с капиталистическими странами приводят к тому, что эмиграция вновь появляется в поле зрения советского человека. Как отмечает Митрохин, с середины 1950 до середины 1980-х гг. исследователи стремятся уйти от конфронтационного подхода и абсолютизации классовых ценностей. Карикатуризация и эмоционально-политизированное изобличение «белогвардейщины» сменяют более взвешенные с исторической точки зрения оценки. Тема русской эмиграции постепенно освобождается от фальсификаций, наполняется адекватным историческим содержанием. Меняются и акценты: русские за рубежом теперь не только враги, есть среди них и «заблудшие» люди, требующие сочувствия [5, с. 1239].

В немалой степени изменению отношения способствовало появление после Великой Отечественной войны реэмигрантов и последующая публикация их мемуаров, в которых были показаны все тяготы эмигрантской жизни. Эмиграция в это время – это не некий обобщенный конструкт, в ней выделяются различные политические течения, приходит «осознание сложности политической, культурной и социальной палитры “России № 2”» [5, с. 1239]. Однако, даже несмотря на относительную либерализацию взглядов в отношении пореволюционной эмиграции, отношение к ней в общем и целом остается в рамках той идеологии, которая была в СССР.

Таким образом, тема восприятия эмиграции тесно связана с идейно-политической эволюцией государства. Было множество факторов, оказывавших на нее влияние: изменение политического курса, смена руководства, внешнеполитическая обстановка, что проявлялось не только в «тональности» перцепции эмиграции, но и в целом в том внимании (или не внимании), которое уделяли этому объекту.

Ссылки

1. Шкуратов В. А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997. 505 с.
2. Каталог выставки современного французского искусства. М.: Изд. Ком. выставки, 1928. 71 с.
3. Зиновьев Г. Е. Философия эпохи. М.; Л.: Московский рабочий, 1925. 30 с.
4. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1926. 1029 с.
5. Митрохин В. А. Отечественная историография российской эмиграции «первой волны» (1920-е – середина 80-х гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10, № 4. С. 1235–1242.
6. Васильева Т. Е. Стереотипы в общественном сознании: Социально-философские аспекты. М.: ИНИОН, 1988. 41 с.
7. Чугров С. В. Идеологемы и внешнеполитическое сознание // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 2. С. 38–48.
8. Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов сознании российского общества первой половины XX в. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1998. 334 с.
9. Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Пг.: Колос, 1921. 432 с.
10. Ахиезер А. Россия: Критика исторического опыта. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. 804 с.
11. Михалев Н. М. Журналистика русского зарубежья и становление советской контрпропаганды: 1920–30-е годы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 21 с.